КУБРЯКОВА Е. С.

О НОМИНАТИВНОМ КОМПОНЕНТЕ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Уже много лет продолжают споры о статусе словообразования и о его месте среди других лингвистических дисциплин. В конечном счете это связано с поисками такой модели описания языка, которая позволила бы дать адекватное отражение и адекватное объяснение словообразовательным процессам — их структурным и семантическим характеристикам, их причинам и результатам, средствам и приемам их осуществления. В отечественном языкознании вопрос о месте словообразования в описании языка решался в соответствии с конструктивным тезисом В. В. Виноградова о двоякой зависимости явлений словообразования как от лексики, так и от грамматики изучаемого языка. В зарубежном языкознании полемика о природе и закономерностях протекания словообразовательных процессов способствовала четкому противопоставлению двух различных направлений в понимании словообразования — «лексикалистского» и трансформационного, или генеративного, «синтаксического».

Дискуссия между представителями двух этих направлений, нашедшая отражение в многочисленных публикациях [ср. 1—4], сводилась в общем к вопросу о том, следует ли представлять строение и функционирование системы словообразования «генеративно», т. е. в виде набора определенным образом организованных правил, или же в соответствии с позицией лексикалиста — либо списком, либо словарно, т. е. так, как подаются в словаре отдельные лексические единицы. Хотя по ходу этой дискуссии были освещены многие важные особенности словообразования, и в целом она, несомненно, способствовала развитию теории словообразования, нельзя не признать, что обсуждались здесь по существу те же проблемы, которые уже ставились в советском языкознании задолго до указанной дискуссии и, естественно, независимо от нее. Но вернуться к ней еще раз в свете новых данных представляется весьма целесообразным, особенно если принять во внимание, что именно словообразование не раз становилось в последние десятилетия тем пробным камнем, на котором проверялась адекватность той или иной модели описания языка [ср. 5].

При всей тщательности описания отдельных фрагментов словообразовательных систем и констатации общих черт в ее строении теория словообразования страдала в значительной мере от того, что она формировалась на недостаточно широком общем фоне. Нередко к тому же она разделяла ошибочные и теоретически уязвимые установки более общих концепций. Осмысление словообразования в рамках теории номинации и его освещение с ономаσιологических позиций ведет к его определению как системы моделирования вторичных единиц номинации со статусом слова, обеспечивающей нормальное создание и функционирование этих единиц (см. подробнее [6, с. 224 и сл.]). Это позволяет, как нам кажется, проникнуть более глубоко в природу словообразовательных явлений и подойти по-новому к определению роли этих явлений в жизни языка. Такой подход предполагает рассмотрение словообразования с точки зрения его участия в номинативной деятельности человека, а значит — с учетом специфики процессов словообразования и результатов этих процессов в осуществлении актов номинации. В то же время при таком подходе требуется уточнение понятия номинативной деятельности и, в частности, уточнение роли этой деятельности в функционировании языка в целом.

Несмотря на существование значительной литературы, акты речи описываются в настоящее время безотносительно к используемым в них номи-

нативным средствам и приемам, т. е. так, как если бы акты номинации не составляли их неперемного и обязательного компонента. Между тем акты наречения отдельных фрагментов действительности или выбора имен для описания этих фрагментов требуют отдельного описания: прежде чем рассказать о чем-либо, надо назвать это что-то и дать ему подходящее обозначение. И хотя акты словообразования или же использование словообразовательных средств языка представляют собою только частную разновидность номинативной деятельности, многое из того, что можно утверждать относительно объектов и структуры наименования вообще, проливает свет и на суть словообразовательных процессов. Во всяком случае представляется, что правильное их понимание возможно только на достаточно широком фоне — при условии их рассмотрения в рамках номинативной деятельности как таковой и при анализе этой последней по отношению к речевой деятельности в целом.

Подобный подход позволит, как кажется, охарактеризовать хотя бы некоторые особенности речеобразования и речевосприятия и поставить вопросы, главные для сформулированной в заглавии работы темы, — вопросы о том, к какому этапу или этапам речепроизводства относятся акты номинации, как они соотносятся с другими моментами в порождении речи, когда, как и в каком конкретном виде вступают в действие механизмы номинации и в чем именно они заключаются. Замысел настоящей статьи и состоит в том, чтобы привлечь внимание исследователей к тем компонентам речевой деятельности, которые обеспечивают ее нормальное осуществление и которые не могут не включать поиска и выбора определенных номинативных средств, в частности, словообразовательных. В конечном итоге поэтому мы стремимся не только к уяснению некоторых важных принципов речевой деятельности, но и к уточнению конкретных функций словообразовательных систем, а в соответствии с этим — к определению места словообразования в строении и организации языка.

«...В подлинном и действительном смысле в качестве языка можно рассматривать только всю совокупность актов речевой деятельности». Эти слова В. фон Гумбольдта [7, с. 73] были надолго оставлены без внимания. Даже тогда, когда во весь рост встала необходимость заняться динамическими аспектами языковых систем и закономерностями их функционирования, теории речевой деятельности как таковой еще не существовало. Еще почти два десятилетия тому назад А. А. Леонтьев справедливо указывал: «...Рано или поздно... мы вынуждены будем поставить на повестку дня вопрос о создании общей теории речевой деятельности» [8, с. 4]. Немногим позднее теория речевой деятельности была провозглашена основным объектом специальной новой научной дисциплины — психолингвистики [ср. 9, с. 33]. В принципе теоретический фундамент этой отрасли знания уже был заложен как у нас в стране, так и отчасти за рубежом. Особо стоит упомянуть в этой связи труды советских психологов — Л. С. Выготского и его школу, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьева и ряда других ученых, внесших много ценного в понимание соотношения языка и мышления. Однако как самостоятельная и отдельная лингвистическая дисциплина психолингвистика формировалась в более позднее время. Нельзя не отметить поэтому, что годы становления психолингвистики совпали с тем периодом в развитии языкознания, когда одним из самых влиятельных направлений в зарубежном языкознании оказалась генеративная грамматика. В силу этого обстоятельства аппарат складывающейся науки тоже оказался под сильным влиянием указанного направления, да и разрабатываемые здесь проблемы также были обусловлены в немалой степени его интересами. В итоге при обсуждении целей и задач психолингвистики и процедур ее анализа значительное место уделялось критическому рассмотрению выдвигаемых гипотез и даже их опровержению. С другой стороны, широкое нигилистическое отношение к генеративной грамматике приводило нередко к тому, что мы не оценили до конца и некоторые несомненные положительные стороны нового подхода. Так, положительным моментом являются, на наш взгляд, сами попытки объяснить природу знания языка, природу языковой способности человека, установить психолингвистические

предпосылки владения речью и воссоздать механизм образования высказываний. Следует, таким образом, решительно разграничить вопросы, поставленные в недрах названного направления, и ответы на эти вопросы. Многие же вопросы были поставлены весьма своевременно.

Одной из таких актуальных проблем современного языкознания продолжает оставаться и проблема порождения речи. Несмотря на уверения самого Н. Хомского и ряда его последователей, что термин «порождение» не следует понимать буквально [см. подробнее 10, с. 48 и сл.], метафора, лежащая в основе этой кальки немецкого *Erzeugung*, оказала мощное влияние на умы лингвистов. Она стала стимулом к исследованию явлений, далеко выходящих за пределы первоначально очерченного круга. От рекурсивного анализа синтаксических процессов в узком смысле слова исследователи вскоре «перебросили мостик» к изучению речевой деятельности. Как подчеркивала О. И. Москальская, «описание в терминах синтаксических процессов должно служить цели моделирования реальных процессов продуцирования речи, хотя бы в первом приближении и в каком-то из их звеньев» [11, с. 20]. Логическим итогом всего этого периода истории лингвистики и, в частности, критического осмысления генеративного направления, явилось убеждение многих лингвистов в том, что «...само понятие языка включает динамику языка как деятельности» [12, с. 27; разрядка наша. — *К. Е.*].

В то же время под влиянием идей порождающей грамматики основное внимание первоначально неоправданно отводилось синтаксису изолированного высказывания. Подобное отождествление речевой деятельности с порождением отдельного высказывания ошибочно по многим причинам. Нельзя забывать о том, что речевая деятельность, отражая широкий и разнообразный спектр интенций и замыслов говорящего, обычно является составной частью деятельности более высокого порядка. Непосредственной задачей речевой деятельности является не создание изолированного высказывания, а определенного речевого произведения — дискурса, текста и т. п. Уже это существенно повлияло на исходные установки советской психолингвистики, в рамках которой справедливо подчеркивалось, что предметом анализа должно являться не отдельное предложение и даже не текст как определенный продукт процессов речеобразования или материал для процессов речевосприятия, а сами эти процессы. Соответственно, основное внимание уделялось у нас динамической организации отдельных действий и операций в интегративное целое — в сложную деятельность, которая, сама «вписываясь» во всю систему человеческой деятельности вообще, обуславливается конкретными ситуациями и задачами этой последней.

Несмотря на принципиальную правильность подобных установок, такой анализ не исключает понимания речевой деятельности в ее вербальном воплощении как начинающейся с порождения отдельного высказывания. В связи с этим можно понять, почему такой крупный психолингвист, как Д. Слобин, утверждает, что «центральная проблема современной лингвистики состоит в следующем: каким образом мы можем понимать (или создавать) новое для нас предложение» [13, с. 29]. Интересно, что решения этой проблемы Д. Слобин ожидает от психологов, которые, по его мнению, «должны разработать сложную когнитивную теорию внутренних мыслительных структур, которые делают возможными порождение и понимание предложений» [13, с. 51]. Думается, однако, что создание теории речевой деятельности абсолютно невозможно без лингвистических наблюдений и лингвистических обобщений и в целом достижимо лишь при условии совместных исследований лингвистов и психологов. Хотя речевая деятельность фактически представляет собой деятельность речемыслительную, в задачу лингвистики входит тем не менее установление ее лингвистических основ. Для этого необходимо соотнести вербальные и довербальные процессы, найти точки их соприкосновения, определить способы и пути перехода от мыслительных структур к языковым, от мысли к слову, постараться дать этим явлениям не столько психологическое, сколько собственно лингвистическое истолкование.

В серии работ А. М. Шахнаровича и его коллег было правильно указано на то, что «модели порождения высказывания, разрабатываемые в отечественной лингвистике и психологии речи, не выделяют семантику в качестве самостоятельного элемента или составляющей наравне с другими в процессах речемыслительной деятельности» и что в принципе семантическое звено не может быть выделено в виде отдельной и самостоятельной фазы речевой деятельности, поскольку «на каждом этапе развития мысле-речи ее материал обладает содержательными характеристиками и, таким образом, является объектом семантического анализа»; семантика — это компонент, который «работает» на многих стадиях порождающего процесса [14, с. 240].

Нечто аналогичное можно сказать и о номинативном компоненте речевой деятельности, поскольку есть основания полагать, что акты номинации также осуществляются на протяжении всего процесса создания речевого высказывания (ср., например, типичные поиски подходящего слова где-то в середине начатого высказывания и связанные с этим паузы и задержки в плавном разворачивании речи). По нашему убеждению, акты речи начинаются с обозначения определенных элементов будущего высказывания, что предполагает постоянное обращение к запасу имеющихся номинативных средств или к инвентарю ресурсов, потребность в которых возникает по мере выстраивания синтаксической конструкции. Завершаются акты речи номинацией ситуации, события или других явлений, отражаемых в высказывании.

Нельзя не отметить также прямых и непосредственных связей семантического компонента с номинативным, ибо неясно как раз то, каким образом и на каких стадиях порождения речи содержательные характеристики превращаются в собственно семантические, т. е. вербализуются. Этот вопрос можно сформулировать и по-иному: как происходит перекодирование содержательного замысла в мозгу говорящего в речевое высказывание, как распределяются и группируются исходные смыслы в значения будущего высказывания, к каким операциям относятся акты номинации и к каким этапам порождения речи они приурочиваются и, наконец, все ли вообще поиски адекватных средств обозначения отдельных элементов высказывания (или их создания) можно связывать с актами номинации?

В существующих моделях порождения высказывания номинативный компонент тоже никем специально не выделялся. Между тем мы полагаем, что привычное отождествление механизмов синтаксической «сборки» предложения и «сборки» слова или же описание того и другого без должной дифференциации используемых при этом операций, а также рассмотрение проблем синтеза слова как полностью обусловленных синтаксисом и подчиненных предварительному выбору синтаксической конструкции никак не способствует уяснению сути дела и даже уводит в сторону от постановки целого ряда весьма сложных проблем. Одной из них является, например, вопрос о том, что определяет творческое начало в речевой деятельности. Ведь существует тенденция связывать его исключительно с синтаксисом.

Справедливо подчеркивая «принципиальное различие механизмов, обеспечивающих порождение синтаксических конструкций, с одной стороны, и их лексическое „наполнение“, с другой», А. А. Леонтьев усматривает его далее лишь в том, что только первому из названных механизмов присущ, якобы, творческий характер [15, с. 267]. Но конструктивный характер носят, по-видимому, все звенья описываемого процесса. С одной стороны, человек не создает сам и той синтаксической схемы, в соответствии с которой он строит высказывание: он только выбирает ее из числа знакомых ему и отработанных в предыдущем опыте моделей. Творческое начало наблюдается даже в этом выборе. К тому же и в синтаксисе существует немало «готовых» клишированных конструкций. В этом случае сама отправная номинация совпадает с воспроизводимой синтаксической конструкцией типа *Как дела? Что нового?* и т. п.

С другой стороны, собственно номинативный аспект высказывания не сводим к простому лексическому заполнению конструкции: он носит твор-

ческий характер отнюдь не потому, что чаще всего представляет собой действительно поиск слова. Более того, процедура, которую в психолингвистике недифференцированно называют поиском слова, являет собой не столько выбор единицы из числа существующих, сколько — в целях оптимального решения задачи — творческий акт создания новой единицы номинации. Если теперь отвлечься от творческого характера тех процессов, которые относятся к комбинаторике слов, и остановиться лишь на тех из них, которые связаны непосредственно с однословными номинациями, универбами, то и здесь новаторство гораздо более широко распространено, чем полагали ранее.

Другой важной проблемой, встающей в связи с вопросом о специфике операций по «заполнению» синтаксической схемы лексическими единицами, является вопрос о том, в каком виде хранятся знания языка в мозгу говорящих, и, в частности, какие именно единицы образуют запас или склад знаний — слова, морфемы или значения [4, с. 13 и сл.]. Во многих работах по генеративной семантике проводится мысль о том, что слова не столько «записаны» в голове человека в виде готовых единиц, сколько конструируются по мере необходимости из определенных семантических признаков. Так, по мнению группы американских психологов, «когда слова используются, они не репродуцируются памятью, а скорее реконструируются из составляющих эти слова признаков» [16, с. 178]. Точно так же многие представители школы компонентного анализа изображают дело так, как если бы лингвистической процедуре возможного разложения семантики слова на составляющие его признаки соответствовала бы и совершаемая говорящим обратная операция синтеза слова. Является ли, однако, такая операция психологически реальной и объективно существующей? Единственно ли это возможный путь извлечения информации из памяти? Вряд ли.

Во-первых, слова неоднородны по своему семантическому строению. Как правильно указывал Д. Н. Шмелев, «одни лексические единицы действительно допускают исчерпывающее разложение на элементарные семантические признаки, другие явно противостоят такому разложению» [17, с. 149]. Но как можно «собрать» единицы, которые при анализе никакому расчленению не поддаются? Нам кажется поэтому более приемлемой точка зрения, согласно которой многие названия, особенно в сфере обозначений животного или растительного мира, в сфере обозначений обычных предметов и вещей и т. п., мыслятся как холистические, целостные и по этой причине неразложимые сущности. Нам близки рассуждения А. Вежбицкой о возможности приравнивать такие слова, как *кошка*, *роза* и т. п., к именам собственным. Утверждая существование особого «языка мозга», *lingua mentalis*, с которого, собственно, и осуществляется далее «перевод» на естественный язык, А. Вежбицкая никогда не заходит так далеко, чтобы настаивать на обязательности такого перевода для любой категории слов [с. 18]. Так, имена собственные и аналогичные им названия надо знать, а не собирать.

Хотя вплоть до проведения серии экспериментов наши предположения остаются на уровне простых догадок, мы все же полагаем, что вообще любая лингвистически релевантная классификация единиц номинации так или иначе отражает и психологическую нетождественность разных классов соответствующих единиц, и возможное различие процессов их «извлечения из памяти» и доступа к зафиксированной ими информации.

Так, традиционное деление слов на полнозначные и служебные, к которому возвращаются и представители новейшей семантики (ср., например, [19 и 20]), позволяет усомниться в том, нужна ли «сборка» для служебных слов, или же корреляции формы и содержания носят здесь более устойчивый характер. Это же деление связано и с вопросом о том, не относятся ли вообще все акты номинации в специальном смысле слова лишь к полнозначным словам. Думается, что в схеме «предмет или явление действительности → группа значений, отражающих образ этого предмета или понятия о нем → словное обозначение» срединная часть в актах речи может легко опускаться. Если связь между обозначаемым и обозначающим

достаточно устойчива, закреплена практикой повседневного общения, название предмета всплывает из глубин сознания именно как отдельное слово, т. е. не посредством предварительной «сборки», а операцией извлечения из памяти. Есть, однако, и класс слов, для которых резонно предположить обратное: это производные слова. Доказательства того, что они могут «собираться» из отдельных частей и вообще создаваться заново, достаточно многочисленны. Это позволяет утверждать, что понятие порождения на уровне слова естественнее всего связывать как раз с единицами словообразовательной системы.

Важным следствием этих наблюдений является вывод об особой значимости актов номинации словообразовательного порядка для анализа номинативной деятельности в целом. Осуществив поиск необходимого слова и не обнаружив подходящего названия, говорящий легко создает его сам, используя для этого известные ему словообразовательные модели или отдельные лексические образцы, по аналогии с которыми он строит нечто новое. Мотивы номинативной деятельности здесь обычно достаточно ясны, да и техника номинации доступна более непосредственному наблюдению. Все это обуславливает необходимость уделить особое внимание самим актам словообразования и процессу реконструкции этих актов как у взрослых говорящих, так и у детей, т. е. на основе изучения словообразовательной системы в онтогенезе.

Рассмотрев вопрос о механизме поиска слова или его создания, мы можем перейти и к анализу того, к какому этапу или этапам речевой деятельности может быть отнесен подобный поиск. Хотя протекание речевой деятельности описывается разными исследователями по-разному, многие из них считают, что еще до того, как говорящий начал говорить, в его голове созревает план будущего высказывания и что этот план формируется прежде всего как определенная синтаксическая программа будущей единицы. «План предложения, — утверждают, например, американские психологи, — по-видимому, должен в общем определиться до того, как можно выделить слова, которые мы собираемся высказать» [21, с. 156]. Иначе говоря, предполагают, что этап синтаксирования — обдумывания синтаксической конструкции будущего высказывания и ее программирования — о п е р е ж а е т выбор лексических единиц, которые только после принятия плана начинают заполнять выбранную схему. Аналогичные идеи развивались и в советском языкознании. «Высокая скорость мыслительных операций, — подчеркивает Б. Ю. Норман, — создает видимость одновременного процесса мышления и речи, на деле же здесь две разных стадии — стадия так называемой внутренней, дословесной речи и стадия внешняя, представленная текстом; порождение высказывания как такового начинается с выбора структурной схемы предложения» [см. 22, с. 23 и сл.].

Подобное противопоставление восходит к трудам Л. С. Выготского (анализ его концепции см., например, в [15, с. 111 и сл.; 23, 24]. Однако фактически здесь все неясно. Если между мыслью и словом есть еще какой-то этап (например, «внутреннего слова»), предпосылкой такого тезиса следует признать положение об изначальной разделенности мысли и слова: мысль существует первоначально в невербальной форме и лишь потом облекается в вербальную форму. Но сама такая сепаратизация интеллектуальной, умственной, мыслительной деятельности и языка может вызывать сомнение. Более убедительной мне кажется точка зрения тех исследователей, которые видят недостатки прежних моделей порождения речи как раз в проведении жестких границ между неречевыми и собственно речевыми ее этапами: при анализе семантических аспектов речевой деятельности становится ясным, что такие границы отсутствуют [ср. 14, с. 240]. Иначе говоря, какие-то части мысли с самого момента ее зарождения могут быть словесными, т. е. уже облеченными в языковую форму.

В принципе мы не видим ничего одиозного в том, чтобы вместе с другими учеными, особенно Б. А. Серебренниковым [25], признавать невербальные формы мышления [26]. Но всякой ли вербальной структуре должна обязательно предшествовать или соответствовать невербальная или довербальная единица? Обязательно ли любая мысль «освобождена» перво-

начально от языковых форм? Одинаковы ли вообще в с е процессы речи, в частности, обдуманнные заранее и спонтанные? Мы полагаем, что разные типы речи могут быть связаны с вовлечением в действие разных операций и приемов. Ничто не противоречит тому, чтобы, соглашаясь со знаменитой установкой Л. С. Выготского «мысль творится в слове», видеть сами процессы такого «творения» как неоднородные, разнообразные, принимающие не стандартные, а, напротив, достаточно гибкие формы. А это значит, что и соотношение этапов синтаксирования и номинации может быть в реальной речи самым разным: одновременным, с опережением синтаксиса и, наоборот, с опережением номинации. Такая установка позволяет описать по крайней мере часть речевых произведений как и а ч и н а ю щ и х с я с в ы б о р а с л о в а, которое и «тянет» далее за собой ту или иную синтаксическую последовательность. В таких актах речи мысль и высказывание порождаются одновременно, т. е., точнее, начинают рождаться в одно и то же время.

Далее мы и рассмотрим те типы речи, для которых характерно использование в качестве отправного этапа речевого высказывания акта номинации и в которых, соответственно, явно можно наблюдать появление номинации до этапа синтаксирования.

Вслед за Выготским А. Р. Лурия отмечал, что говорящий якобы всегда знает предмет или основную тему будущей речи и потому предмет речи не нуждается при планировании высказывания в специальном обозначении. Основными элементами внутренней речи считались, соответственно, рематические части высказывания, т. е. предикцируемое известной теме новое содержание. Тогда превращение внутренней мысли в развернутое высказывание достигается прежде всего за счет номинации самих предикатов [23]. Внутренняя речь характеризуется такими параметрами, как свернутость, грамматическая аморфность, а, главное, предикативность [26—28; 15, с. 111 и сл.].

Но при создании речевого произведения главное — его адресат [29]. Адресату же неизвестно, о чем будет рассказывать его собеседник, и для того, чтобы привлечь его внимание, говорящий должен обозначить «топик» своего повествования, свою тему. Более того, можно предположить, что часто человек знает в общих чертах, о чем именно он хочет сказать, но что он конкретно скажет, — не знает. Он додумывает это как раз в момент речи. Замысел речи нередко сопряжен поэтому, на наш взгляд, не столько с номинацией предиката, сколько либо с перечислением неких «топиков», отправных пунктов речи, либо с названием темы и ремы с последующим установлением отношений между ними. Выбор одного из таких «топиков» помогает начать разворачивать синтаксическую конструкцию. Нельзя не отметить также, что интроспекция позволяет установить следующее: при всей грамматической аморфности внутренней речи «всплывающие» в памяти слова чаще всего стоят в назывной форме или в составе тех номинативных блоков, которые уже без изменения войдут далее в высказывание. Трудно представить себе синтаксическое программирование без какого бы то ни было словесного оформления. Скорее напротив: во внутренней речи появляются какие-то обрывки речи, и по мере произнесения хотя бы одного из них начинает складываться синтаксическая конструкция. Не более ли прав поэтому В. Чейф, когда он замечает, что многие синтаксические конструкции появляются ближе к концу всего процесса вербализации мысли [30, с. 7]. Но в таком случае отводить главенствующую роль синтаксису и синтаксированию в порождении речевого высказывания приходится далеко не всегда. Чтобы начать говорить, человек должен неминуемо обозначить то, к чему хочет привлечь внимание своего собеседника. Но и во внутренней речи, или «речи для себя», можно наблюдать это же.

Не исключено, что «исходной структурой порождающего процесса» может явиться и «пропозиция, понимаемая в духе логики отношений» [31, с. 107]. Тогда, очевидно, происходит сознательное выделение и сознательное обозначение не одного, а двух центральных элементов высказывания, т. е. ядра пропозиции. При таком понимании процесса порождения

семантический его замысел тоже реализуется не за счет решения относительно того, как будет строиться полная синтаксическая структура, а за счет номинации ее ядра. Развитие же пропозиции происходит по мере ее «сказывания», т. е. детализируется она и обрывает подробностями в ходе речевого акта. Этап наречения главных членов пропозиции предопределяет и дальнейший выбор синтаксической схемы. Такой этап не столько предваряет синтаксирование, сколько согласуется с ним. Пропозиция как основа будущего высказывания формируется одновременно с осознанием синтаксических ролей поименованных единиц, она определяется их отношением друг к другу и согласуется с их конкретной семантикой. В самых общих случаях, как правильно подчеркивает Н. Д. Арутюнова, «выбор слова невозможен безотносительно к конструкции, задающей его синтаксические характеристики..., но и выбор конструкции неосуществим без предварительной фиксации лексических элементов, в частности, глагола, предопределяющего конфигурации актантов» [32, с. 290]. Все это свидетельствует о том, что многомерные и нелинейные структуры нашего мозга можно «перевести» в одномерную и линейно организованную речевую цепочку принципиально различающимися и далеко не тождественными способами и путями, т. е. применяя для этого разные умственные и речевые операции и комбинируя их в разные группировки. С точки зрения наших современных знаний можно с уверенностью сказать лишь одно: механизмы номинации и механизмы, обеспечивающие линейное развертывание речи, — это разные звенья одного процесса, разные компоненты речевой способности и умений. Они вызывают к жизни разные стратегии говорящего, и предполагать генетический или иной приоритет одного из них весьма трудно. Тем не менее интересно обратить внимание на известные доказательства их раздельного существования или функционирования. Так, определенным доводом в пользу выделения актов номинации как явлений, примарных для речевой деятельности в целом, и как феноменов, связанных с предикацией, является существование на ранних этапах развития языка такого феномена, как одноставное предложение. Тема и рема в нем еще не разведены, субъект и приписываемый ему признак не противопоставлены и по отдельности не обозначены, синтаксиса как отношения между знаками еще нет.

Важные данные о генетическом приоритете номинативного компонента получены и при исследовании развития речи у ребенка. Многочисленные наблюдения подтверждают, что ребенок начинает говорить «названиями» и говорит так еще до того, как он овладеет даже простейшим синтаксисом. По терминологии Н. Х. Швачкина, первыми и единственными суждениями ребенка являются «именные суждения». Да и на все вопросы он отвечает названиями предметов [33, с. 134]. Качественный скачок в речи ребенка наступает именно тогда, когда он овладевает словом как единицей номинации. Но это означает, что речевая деятельность в самой ее элементарной форме может протекать без развернутого синтаксиса, но не может осуществляться вне актов номинации и предикации [ср. 34].

Рамки статьи не позволяют остановиться специально и на интерпретации поэтической речи как отражающей импульсивное и спонтанное видение мира и как бы восстанавливающей «поток сознания» в его относительно свернутой форме. Истоки безглагольного или именного стиля, столь распространенного в поэзии, следовало бы подвергнуть анализу именно с этой точки зрения, т. е. рассмотрев его как стиль, отражающий некую ситуацию «тошикально», широкими мазками, перечислением координат поэтического пространства и времени [ср. подробнее 35].

Интересный материал для доказательства нашей точки зрения можно извлечь и из последних работ, связанных с изучением асимметрии мозга и установлением нетождественности функций левого и правого полушарий. Их разъединение (например, при операциях на соединительных трактах) позволило открыть поразительные факты: полушария ведут себя как две независимых друг от друга системы, при этом название предметов относится к функциям левого полушария, а правое «хранит в себе такие сведения, которые позволяют толковать смысл слов» [36, с. 21—23]. Есть дан-

ные, которые можно истолковать и так, что механизмы установления синтаксических связей между единицами и механизмы выбора подходящего средства номинации относительно обособлены и независимы друг от друга [37].

Материал о разделности номинативных и синтаксических функций обнаруживается и в исследованиях, посвященных анализу нарушений речи при различных поражениях или заболеваниях мозга. Так, в опытах Л. С. Цветковой были получены данные, свидетельствующие о том, что при поражениях отдельных участков мозга в разных полушариях «не все элементы высказывания страдают у этих больных в одинаковой степени», причем «номинативная функция речи остается в этих случаях относительно сохраненной, в то время как предикативная (синтаксическая) оказывается глубоко нарушенной» [38, с. 212]. А. Р. Лурия описывает случаи подавления синтаксической функции при динамической афазии; на все вопросы больные дают ответы одними наименованиями [38]. Таким образом, речевая деятельность может протекать, хотя, конечно, и в сильно урезанном виде, при способности человека приводить в действие одни механизмы номинации. Интересно, что в тех случаях, когда последние нарушены и человек строит синтаксически «правильное» высказывание, последнее совершенно невразумительно.

В новом свете можно увидеть и некоторые распространенные явления разговорной речи — «именительный темп»: ср. *Седьмая поликлиника. Выходите?* или *Апельсины. Дайте парочку* и т. п. [39, с. 119; 40]. Главный принцип актуализации в разговорной речи, который, по свидетельству О. А. Лаптевой, составляет «вынос в инициальную позицию главного информативного центра высказывания» [39, с. 185], явно связан с номинативным зачином речевого произведения, и он типичен отнюдь не только для русского языка. Ср. франц. *Papa, il travaille; cette lettre, je l'ai écrit*, англ. *John, he will be soon here*, а это, в свою очередь, согласуется с данными о том, что для каждого языка существует некий обычный порядок развертывания высказывания (scanning order). Первоначально обычно называется агент действия и лишь затем его объект и т. п.

Рассмотренные факты убеждают в том, что не столько выбор синтаксической структуры высказывания предшествует выбору слов, сколько, напротив, поиск адекватной синтаксической конструкции согласуется с выбранными обозначениями отдельных частей описываемой ситуации и их структурно-семантическими особенностями. Сами же акты номинации представляют собой сложное речемыслительное действие, и без осуществления этих актов невозможно ни одно высказывание. Мысль не только творится в слове, она начинается со слова, как только мы хотим сделать ее достоянием другого человека. Возможно, что мысль начинается со слова даже на том ее этапе, который предшествует развернутой речи и который соответствует превращению смутного замысла высказывания в нечто более оформленное и ясное, — переходу логической, когнитивной, или эмоциональной структуры в структуру вербальную. По-видимому, подход к словообразованию с позиций речевой деятельности и при его рассмотрении в рамках деятельности номинативной позволяет уточнить место словообразования в системе языка по следующим причинам. Этот подход делает ясным, что функционирование системы словообразования тесно связано с речевыми стратегиями говорящих и тактикой их обращения с единицами номинации. Словообразование как система должно быть организовано так, чтобы облегчить доступ к информации для говорящего, упорядочить способы хранения и накопления информации, упростить «извлечение» слова из памяти и, наконец, обеспечить возможность простого создания новых единиц номинации и их незатрудненного восприятия. Ясно в то же время, что система, к организации которой предъявляются подобные требования, не может быть простым набором индивидуальных лексических единиц. Словообразование и является собой систему, объединенную сложной сеткой формально-семантических и ассоциативных связей. Именно поэтому мы поддерживаем взгляд на словообразование как на особую часть грамматики со своей собственной системой

правил. Их действие определяется, в свою очередь, не только связями с синтаксисом, морфологией, лексикой и семантикой изучаемого языка, но и общей зависимостью от принципов той деятельности, для участия в которой они, собственно, и создаются. Дело будущих исследований поэтому — продолжить изучение словообразования в новом ракурсе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Земская Е. А., Кубрякова Е. С. Проблемы словообразования на современном этапе.— ВЯ, 1978, № 6.
2. Motsch W. Ein Plädoyer für die Beschreibung von Wortbildungen auf der Grundlage des Lexikons.— In: Perspektiven der Wortbildungsforschung. Bonn, 1977.
3. Kastovsky D. Word-formation, or: at the crossroads of morphology, syntax, semantics, and the lexicon.— Folia linguistica, 1977, v. X, № 1—2.
4. Beard R. The Indo-European lexicon. A full synchronic theory. Amsterdam, 1981.
5. Kastovsky D. Zum gegenwärtigen Stand der Wortbildungslehre des Englischen.— Linguistik und Didaktik, 1978, v. 36.
6. Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977.
7. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков.— В кн.: Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960.
8. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. М., 1965.
9. Теория речевой деятельности. Под ред. Леонтьева А. А. М., 1968.
10. Звегинцев В. А. Язык и лингвистическая теория. М., 1973.
11. Москвальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.
12. Колшанский Г. В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975.
13. Слобин Д., Грин Дж. Психоллингвистика. М., 1976.
14. Голод В. И., Шахнарович А. М. Семантические аспекты порождения речи.— ИАН СЛЯ, 1981, № 3.
15. Леонтьев А. А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.
16. Anisfeld M., Knapp M. Association synonymity and directionality in false recognition.— Journal of experimental Psychology, 1968, v. 77.
17. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
18. Wierzbicka A. Lingua mentalis. The semantics of natural language. Sydney—New York, 1980.
19. Вейнрейх У. Опыт семантической теории.— В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1980.
20. Bierwisch M. Semantische und konzeptuelle Repräsentationen lexikalischer Einheiten.— In: Untersuchungen zur Semantik. Studia grammatica. XXII. Berlin, 1983.
21. Миллер Дж., Галантер Е., Прибрам К. Планы и структура поведения. М., 1956.
22. Норман Б. Ю. Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1978.
23. Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1979.
24. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М., 1978.
25. Серебренников Б. А. К проблеме «язык и мышление» (всегда ли мышление вербально?).— ИАН СЛЯ, 1977, № 1.
26. Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
27. Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982.
28. Леонтьев А. А. Внутренняя речь и процессы грамматического порождения высказывания.— В кн.: Вопросы порождения речи и обучения языку. М., 1967.
29. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата.— ИАН СЛЯ, 1981, № 4.
30. Parrot H. Discussing language. The Hague — Paris, 1974.
31. Кацнельсон С. Д. Порождающая грамматика и процесс синтаксической деривации.— В кн.: Progress in linguistics. Ed. by Bierwisch M. and Heidolph K. E. The Hague—Paris, 1970.
32. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.
33. Шацкий Н. Х. Психологический анализ ранних суждений ребенка.— Изв. АПН РСФСР, 1954, вып. 54.
34. Голод В. И., Шахнарович А. М. Семантика в онтогенезе речевой деятельности.— ИАН СЛЯ, 1982, № 3.
35. Кубрякова Е. С. Доминативный аспект речевой деятельности и словообразование как его важнейший компонент.— Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза, 1980, вып. 164.
36. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. М., 1978.
37. Долинина И. Б., Балонов Л. Я., Деглин В. Л. Особенности установления семантико-синтаксических отношений между единицами языка в условиях преходящей инактивации доминантного и недоминантного полушарий.— В кн.: Тезисы VII Всесоюзного симпозиума по лингвистике и теории коммуникации. М., 1978.
38. Лурия А. Р. Проблемы и факты нейролингвистики.— В кн.: Теория речевой деятельности. М., 1968.
39. Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
40. Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.